

Y1, C13: В котором POV случайно переключается

Наступило время собрания персонала. Комендантский час только начался, и Филч с префектами держали оборону, пока несколько учителей заходили в "Три метлы". Называть это "собранием персонала" звучало профессионально, но на самом деле это было просто собрание сплетен. Разговоры о более трудных учениках помогали профессорам оставаться в здравом уме - ну, во всяком случае, относительно в здравом.

"Этот Джеймс Поттер, - сказала профессор МакГонагалл, - добьется больших успехов. Возьми на заметку, Гораций".

Глаза Слизнорта загорелись. "Что именно он сделал? Мой последний Слизеринский клуб был довольно скучным со стороны первокурсников".

"Он достиг Репаро с первой же попытки. Невероятный подвиг для первокурсника".

"А еще он прекрасный летун", - сказал Хук. "Очень устойчивый и очень быстрый".

Флитвик с нетерпением кивнул. "И в Чарах тоже хорош, хотя Аманда Фритц из Слизерина сделала это за две секунды".

"Что ты думаешь о том, что Сириус Блэк в Гриффиндоре?" - спросила Спраут.

"Сортировочная шляпа никогда не ошибается, - сказала МакГонагалл, - хотя мне интересно, как к этому отнеслась его семья. Я ничего не слышала от Вальбурги, и это заставляет меня нервничать".

"Я тоже", - сказал Хук. "Хотя мне он кажется гриффиндорцем".

"Я бы хотел, чтобы он был в Слизерине", - сказал Слизнорт. "Нарушил традицию. Интересно, что с ним случилось?"

"С ним ничего не "пошло не так", Слизнорт", - сказала МакГонагалл. "Гриффиндор - отличный Дом".

"Я и не утверждаю обратного, моя дорогая! Но это позор".

Они еще немного поговорили о первокурсниках, но в конце концов разговор заглох. "Я просто скажу то, что мы все думаем, поскольку все остальные слишком трусливы, чтобы сказать это", - сказал Квестус: это были первые слова, которые он произнес за весь вечер. "Ремус Люпин".

"Довольно яркий", - сказал Флитвик. "Вингардиум Левиоса с третьей попытки. Застенчив, если быть точным, но хорошо воспитан и умен".

"У него были небольшие проблемы на Трансфигурации", - сказала МакГонагалл жестким тоном. "Проблема с уверенностью, знаете ли. Они есть у большинства первокурсников".

Квестус заговорил снова. "Я бы поставил на то, что у него почти нет уверенности. Однако он хороший лжец, что похвально. Надо было слышать его ответ на замечание Лили Эванс об оборотнях".

"Да?"

"Ну, они расспрашивали друг друга перед уроком. Это очень быстро превратилось в игру типа

"что бы ты предпочел", что само по себе было достаточно юмористично. Они затронули тему Темных существ, и Эванс спросила Люпина, с кем бы он предпочел сражаться - с вампиром или оборотнем".

"И что он ответил?" - спросила Стебль, когда Квестус сделал паузу для драматического эффекта.

"Что-то вроде: "С оборотнем, потому что если мне удастся продержаться до заката луны, я представляю, как оборотень извинится и пригласит меня на чай"".

Помфри хмыкнула. "Это похоже на него. Знаете, его беспокоит, когда люди говорят об этом, но ему удается сохранять самообладание. Большую часть времени. Я наслаждалась его обществом; он действительно очень забавный".

"И он ни на кого не пытался напасть?" - медленно спросил Сидус.

"Конечно, нет!" - сказала Помфри. "Он не опасен. Ему одиннадцать. Одиннадцатилетний ребенок - это ужасно трагично".

"Как это случилось? Вы знаете?" - спросила МакГонагалл.

"Он сказал мне, что ему было четыре года, - ответила Помфри, - и он бормочет об этом во сне - кошмары, знаете ли. Это все, что я знаю, и я не думаю, что он захочет рассказать мне больше. Он очень замкнутый, немного скрытный. Он даже не скажет мне, что ему больно, если я не попрошу его".

Квестус фыркнул. "Ему нужно стать жестче, как по мне".

"Тебя никто не спрашивал", - сказала Помфри. "Уверю вас, Ремус Люпин жестче, чем я когда-либо буду. Мальчик прошел весь путь через всю территорию Хогвартса с невозможно раненой ногой. Кроме того, ему одиннадцать. Он может чувствовать себя неловко, когда кто-то упоминает оборотней".

"Мир никого не ждет", - сказал Квестус. "Я уверен, что он уже знает: с молодыми людьми случаются плохие вещи. Ему нужно быть менее эмоциональным, чтобы защитить себя. Он не может нервничать каждый раз, когда упоминаются Темные существа".

"А он и не нервничает!"

"Может быть, не заметно, но я вижу это в его глазах". Остальные учителя теперь с интересом наблюдали за спором.

"С ребенком в Хогвартсе ничего не случится!"

"Тогда почему бы тебе не рассказать мне, что именно случилось с моей сестрой?" - шипел Квестус.

Комната погрузилась в молчание.

"Джон, мне очень жаль... но сейчас, с Дамблдором, все изменилось", - мягко сказала МакГонагалл.

"Нет. Все никогда не изменится. Мою сестру убили на моих глазах, когда я был на втором курсе. Я была рядом и знал заклинание. Если бы я не была слишком напуган, чтобы сохранить

спокойствие - если бы я не колебался - тогда бы я смог спасти ее. Конечно, мы оба были молоды, но Темные искусства не ждут, пока кто-то повзрослеет".

В течение одного мучительного мгновения никто не говорил. Сестра Квестуса погибла в результате несчастного случая, связанного с Дьявольскими Силками, о котором некоторые из них до сих пор помнили. В то время об этом писали в "Пророке".

"Я был аврором, помните? Я видел, как с молодыми людьми происходят ужасные вещи. Вы сами это сказали: Люпину было четыре года. Трагедия, да. Удивительно? Нет. Плохие вещи случаются. Пора нам всем принять это и двигаться дальше. Если мы сохраним спокойствие и научим других делать то же самое, то сможем спасти людей - во времени и в будущем. Да, Люпин видел некоторые вещи, которые в идеальном мире дети не должны видеть. Но я думаю, что уже очень давно было установлено, что этот мир не идеален, и сидение здесь и разговоры о том, как он несправедлив, не изменят этого. Дайте ему вырасти. Подтолкните его немного. Бог свидетель, он не хочет, чтобы его опекали".

"Вы правы, он не хочет", - сказала Помфри, немного пристыженная. "Но с ним все в порядке. Он делает все, что в его силах".

"Верно", - сказал Флитвик, - "и я думаю, нам пора свести счеты с предрассудками". Его взгляд метнулся к другим учителям, некоторые из которых выглядели виноватыми. "На меня и раньше пялились. Я вдвое ниже ростом, чем средний первокурсник. Это неприятно, и очень заметно, когда кто-то пытается не пялиться". Он совершенно нормальный, насколько мне известно, только одну ночь в месяц. Пожалуйста, обращайтесь с ним как с нормальным. Я видел вас в Большом зале и в коридорах - некоторые из вас делают это очень плохо. Это было бы даже смешно, если бы я не знал, как ему это неприятно".

"Легче сказать, чем сделать", - сказала МакГонагалл. "Некоторые из нас выросли на историях об оборотнях. В семьях волшебников они являются своего рода монстрами под кроватью".

Помфри допила своё сливочное пиво и со звоном поставила стакан на стол. "Я бы хотела напомнить вам о моем предыдущем заявлении - ему одиннадцать лет. Вероятно, физически он не способен причинить кому-либо вред".

Квестус хмыкнул. "Если тебе неловко, я бы посоветовал поговорить с ним об этом. Он гораздо более понятливый, чем ты думаешь... если не раздражающе тихий".

"Я могу это подтвердить", - сказала Помфри, улыбаясь. "Я бы хотела сказать еще кое-что, а потом поговорить о другом студенте - Ремус из тех, кто ненавидит, когда о нем говорят за его спиной".

"Не похоже, что мы собираемся останавливаться", - сказал Квестус.

"Что-нибудь о его личных способностях?" - спросил Слизнорт. "Я пригласил его в Клуб слизеринцев, но это было... неудачное время. Язвительный ответ я тоже получил от него".

"Возможно, мне придется услышать это позже, Гораций", - сказала Стебль.

Помфри проигнорировала их и продолжила. "Я не знаю, сколько занятий он будет пропускать в последующие месяцы. Мне не хотелось отпускать его так быстро, как я это сделала. Просто... не говорите ему ничего, если он перестанет вести записи, или будет немного прихрамывать, или что-нибудь в этом роде. Я сильно сомневаюсь, что он будет каждый месяц выходить из Больничного крыла без травм. А теперь, почему бы вам не рассказать мне, почему Роза

Томпсон оказалась в Больничном крыле с пуговицами вместо глаз?".

Преподаватели погрузились в разговор о Розе Томпсон. Дамблдор слушал, пассивно, как и весь вечер.

Он очень, очень напряженно думал.

В тот вечер Дамблдор сидел в своем кабинете, напевая что-то из Малера и посасывая лимонный леденец. Он держал в правой руке воспоминание Ремуса и пристально смотрел на него. Забавно, что самые светлые и радостные воспоминания выглядели так же, как и ужасные.

Он хотел дождаться, пока остальные учителя уснут, чтобы просмотреть его. Было немного неловко, что к нему заходят, когда он усиленно думает, а его зад торчит в воздухе - к тому же, Дамблдор процветал в одиночестве. Спящий замок был как раз тем, что ему было нужно, чтобы сосредоточиться. Дамблдор ожидал, что будет размышлять над этим воспоминанием всю ночь; он был не из тех, кто засыпает с неразгаданной загадкой в голове.

Наконец, часы пробили полночь. Завтра рано утром начинались занятия, и Дамблдор был уверен, что все уже спят. Он с хрустом доел свой лимонный леденец и напевал последнюю ноту Малера. Идеальное время. "Ну что ж, Ремус, - прошептал он, - давай посмотрим, что я могу сделать".

Он достал "Омут памяти" и опрокинул флакон, позволяя содержимому вылиться внутрь. Это было прекрасно, для такого отвратительного воспоминания. Дамблдор вздохнул и окунул лицо в воду.

И вот он там: внутри заброшенного здания. Он позволил воспоминанию закрепиться, а затем огляделся. Дамблдор работал над зданием все лето, и оно было именно таким, каким он его помнил. Поппи Помфри хотела, чтобы он сам проводил Ремуса в первую ночь, но Дамблдор отказался - в конце концов, это была работа Поппи. А не его. И вот Поппи стояла, крепко сцепив руки перед собой - если Дамблдор хорошо знал Поппи, а он знал, это был признак дискомфорта. Там был Ремус, спокойная улыбка на его лице выдавалась только дрожащими руками, которые он прятал за спиной. Поппи что-то говорила о его фальшивой улыбке.

"Притворяйся, пока не получится, вот что я всегда говорю", - раздался голос Ремуса. Дамблдор улыбнулся. Ремус Люпин был гриффиндорцем насквозь.

"Ты странный мальчик, Ремус Люпин", - сказала Поппи.

"Что заставило вас так думать? Я бы хотел думать, что я совершенно нормальный, спасибо вам большое. Во мне нет ничего странного, темного или еще какого-то ненормального". Дамблдор усмехнулся. Он услышал, как голос Ремуса дрогнул на последнем слове, и задался вопросом, сколько в этом было нервов, а сколько - нормальной частью процесса превращения. Он полагал, что рано или поздно узнает это.

Поппи в конце концов ушла, а Ремус стоял, не двигаясь, и улыбка застыла на его лице.

Тишина.

Прошло несколько мгновений, и Дамблдор смутно подумал, не был ли он окаменелым. А

может, это тоже было частью процесса превращения?

Но не тут-то было. Слишком внезапно улыбка покинула лицо Ремуса, и он мгновенно упал на пол. Поднеся руки к лицу, он сжимал и разжимал пальцы, глядя в пустоту. Он смахнул слезу, и больше их не было. Через несколько минут дрожь почти полностью прекратилась. Дыхание Ремуса замедлилось: он вдыхал их через нос, а выдыхал через рот, точно так же, как он делал это в кабинете Дамблдора.

"Хорошо", - услышал Дамблдор шепот Ремуса. "Я делал это раньше. Это ничем не отличается". Ремус задрал подол мантии и плотно закрыл глаза, что-то бормоча... затем он остановился и встал. Казалось, что это было больно, но он прошел на второй этаж здания и осмотрелся, проводя пальцами по каждой стене и каждому предмету мебели.

Через некоторое время Ремус вернулся. Он выглядел таким неустойчивым, что у Дамблдора возникло странное желание помочь ему. Или сказать ему, чтобы он сел, упрямый ребенок.

Ремус медленно осмотрел каждый предмет мебели. Подойдя к пианино, он заиграл мелодию одной рукой.

A, A A.

A, A A.

A, A A... Bb... A... G, C, F.

"Лунная соната", - прошептал Дамблдор, забавляясь. Он всегда гордился своими обширными познаниями в музыке.

"Прости, что разрушу тебя, - прошептал Ремус пианино, а затем двинулся дальше. Пианино не ответило, что было совсем неплохо.

Он нашел свободное место на полу и начал расхаживать взад-вперед, что часто делал и Дамблдор, когда ему нужно было развеяться. Ремус снова что-то пробормотал, и Дамблдор пошел рядом с ним, чтобы лучше слышать. "Смейся, и мир будет смеяться вместе с тобой; плачь, и ты будешь плакать в одиночестве; ибо печальная старая земля должна заимствовать веселье, но у нее хватает своих проблем".

Элла Уилер Уилкокс, подумал Дамблдор. Одиночество. Ремус великолепно закончил стихотворение, не пропустив ни одного слова.

"В залах наслаждений есть место для большого и величественного поезда, но один за другим мы все должны пройти по узким проходам... боли". Ремус сделал паузу. "Ну, это мрачно", - сказал он. "Я искал что-то более легкомысленное. Давайте не будем на этом заканчивать".

Дамблдор снова захихикал.

Ремус продолжал декламировать Льюиса Кэрролла, Эдгара Аллана По и даже Шекспира, становясь все более оживленным. В конце концов, голос и ноги подвели его, и он сел на пол, теперь уже сильно дрожа.

Он сцепил руки вместе, как будто пытаясь физически заставить их быть неподвижными. Это не помогло. "Не так скоро", - прошептал он. "Пожалуйста, не так скоро. Не сегодня. Мне и так есть о чем беспокоиться..."

Он лежал на полу и постукивал пальцами по животу. Было ясно, что он делал это уже много-много раз, и Дамблдор с любопытством наблюдал за ним. Казалось, что Ремус пытается заснуть - разумеется, тщетно. Как будто кто-то может заснуть в таком состоянии. Даже сам Дамблдор не смог бы этого сделать, а ему было уже почти сто лет.

Воспоминание переместилось вперед во времени; Дамблдор заметил, что дрожь Ремуса резко усилилась. Это не может быть просто нервами, подумал Дамблдор, но он прекрасно знал, что до восхода луны еще несколько часов.

Ремус сел и снова начал что-то бормотать, на этот раз свои записи (очевидно, заученные наизусть) с урока зелий. Внезапно он схватился за грудь и заскулил, сильно дергаясь и корча рожи. Слезы свободно падали по его лицу, и казалось, что он с трудом вдыхает воздух. Дамблдор на мгновение задумался, не начало ли это превращения, но было еще слишком рано.

Что бы это ни было, оно постепенно закончилось, в итоге Ремус остался лежать на спине и тяжело дышать. Он вскарабкался в сидячее положение и поспешно вытер лицо. "Успокойся", - укорил он себя.

Это повторилось только через двадцать минут, но второй раз был хуже первого. "О, перестань быть таким раздражительным", - сказал себе Ремус вслух, когда все закончилось. "Это не первое твое родео".

Он сидел там, дрожа, шепча и тревожно постукивая пальцами, еще некоторое время. Прошло очень много мучительных мгновений, прежде чем сквозь заколоченное окно упал луч лунного света. Ремус полностью замер. Не было ни дрожи, ни постукивания, ни шепота. Прошло шесть секунд.

Ремус выглянул через щель в досках, которая напоминала окно. Он выглядел так, словно его могло стошнить от ужаса. И Дамблдор, наблюдая, как скелет Ремуса перестраивается под его кожей, понял, почему Ремус не хотел, чтобы кто-то это видел.

Прошло около сорока секунд, прежде чем Ремус полностью преобразился. Дамблдор отстраненно наблюдал за тем, как Ремус крушит мебель и свою собственную кожу.

Он наблюдал около часа, пытаясь понять, что именно он может сделать, чтобы помочь, но это казалось бесполезным. Дамблдор взмахнул палочкой, и воспоминания перескочили на несколько часов вперед. Теперь он наблюдал, как Ремус превращается обратно. Ремус сидел, тяжело дыша, но в полном сознании. "Доброе утро, мадам Помфри. Прекрасный день, не правда ли?" - пробормотал он.

Дамблдор не жалел Ремуса Люпина, но он испытывал к нему нечто вроде вновь обретенного уважения.

Он вынырнул из воспоминаний и напевал какую-то рок-музыку. Мерлин, как же ему нужен был еще один леденец.